

18+

Дмитрий Толяков

Нулевик

«Сброс»

00

Дмитрий Голяков

Нулевик. Сброс

«Издательские решения»

Голяков Д.

Нулевик. Сброс / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Артём Серебряков помнит свои прошлые смерти. Три жизни. Три предательства. Три раза он сказал: «Я испугался». Теперь он — частный детектив в Петербурге, и его наняли расследовать странное самоубийство девушки с надписью «НОЛЬ» на руке. Артём узнаёт: страхи, вина, гнев — это частоты. Кто-то питается ими. А если перестать бояться — система тебя уничтожит. Единственный выход — стать нулём. Но что останется от человека, когда исчезнет всё, что он чувствует?

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Память тела	6
Глава 2. Сборщик	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нулевик Сброс

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0070-1026-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Память тела

Он проснулся от того, что земля давила на грудь.

Не метафорически. Буквально. Сотни килограммов сырой, липкой глины, перемешанной с ноябрьским снегом, лежали на нём. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Воздуха не было. Только вкус железа — кровь из разбитых губ — и ощущение, как рёбра ломаются одно за другим под тяжестью чужого мира.

Артём Серебряков открыл глаза.

Потолок. Белый. Чистый. Трещина в углу, похожая на карту неизвестной страны. Квартира. Питер. Сентябрь 2024 года.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладони были мокрыми. Простыня под ним — от сырости, будто он только что выбрался из реки.

— Твою мать, — выдохнул он, садясь на кровати.

Нога онемела. Левая. Всегда левая после этого сна. Он потёр икру, восстанавливая кровоток, и посмотрел на часы на тумбочке — 05:47. За окном серое петербургское утро мешало свет фонарей с первыми признаками рассвета. Где-то на Невском уже завывала сирена — скорая, полиция или просто идиот на сигнализации, разницы не было.

Третий раз за неделю.

Нет, не сон. Воспоминание. Он научился различать их лет в двенадцать, когда впервые увидел, как его убивают в смрадном чумном бараке. Тогда он подумал, что сходит с ума. Потом подумал, что это галлюцинации. Потом — что он просто талантливый самоубийца, который придумывает себе чужие смерти, потому что свою собственную прожить не решается.

Потом он перестал думать. И просто принял факт: он помнит свои прошлые жизни. Три штуки.

Первая — 1348 год, Псковская земля. Чума.

Его звали Флор. Он был кожевником. Двадцать восемь лет. Жена, двое детей, собственная мастерская у реки Псковы. Жили бедно, но сносно — Флор умел выделывать кожу так, что купцы из Новгорода специально заезжали к нему.

Чума пришла из Ливонии. Сначала умер соседний кузнец, потом священник в церкви, потом дети на соседней улице. Флор решил бежать. Собрал самое ценное — три тюка выделанной кожи на продажу, мешок овса, топор, ножи. Посадил жену и детей на телегу. Сам пошёл рядом с лошастью.

Они двинулись на юг, к Москве. Шли лесом, подальше от больших дорог — там, где меньше людей, меньше чумы.

На второй день пути, в глухом лесном овраге, их нагнали четверо мужиков. Свои же, псковские. Флор узнал одного — дьякона из соседнего прихода. Дьякон был пьян, его глаза бешено блестели.

«Отдавай кожу и лошадь, — сказал дьякон. — Жену и детей не тронем».

Флор мог закричать. Мог выхватить топор из телеги. Мог хотя бы попытаться. Он был мужчина, не слабый — в мастерской каждый день ворочал тяжести.

Но он испугался. Испугался, что убьют прямо сейчас. Испугался, что дьякон передумает и заберёт жену. Он отступил на шаг. Потом ещё на шаг. Смотрел, как мужики хватают лошадь под уздцы, как стаскивают тюки с кожей. Слышал, как жена кричит: «Флор! Флор, что ж ты стоишь?!»

Он стоял. Молчал. Не шевелился.

Мужики ушли. Забрали лошадь. Забрали кожу. Забрали почти всю еду. Оставили телегу, немного овса и жену с детьми.

Флор повёл семью дальше — пешком, без лошади, без запасов. Овса хватило на три дня. Потом они начали голодать. Жена ослабла первой, она отдавала последние куски детям. В какой-то момент у неё начался жар. Не чума — просто истощение и простуда. Она умерла на пятый день, на руках у семилетнего сына.

Дети продержались ещё неделю. Артём помнил их лица — они не плакали. Просто смотрели на отца, который шёл впереди и молчал.

Они умерли в один день. Сначала сын, через два часа дочь. Флор закопал их прямо в лесу, руками, без лопаты. До Москвы он добрался один. Там ему удалось продать свою рабочую рубаху — купил кусок хлеба и устроился на ночлег в общий барак для беженцев.

Чума настигла его через неделю. Он лежал на грязной соломе, воняло мочой и гниющим деревом, изо рта сочилась кровь. Перед смертью он думал о жене. И о дьяконе. И о том, что он просто стоял и смотрел.

«Я испугался», — шептал Флор. — «Я испугался».

Он умер на рассвете. Последнее, что он увидел — крыса, перебежавшая через его ноги.

Вторая — 1812 год, Смоленская губерния. Отступление из Москвы.

Его звали Пьер Лефевр. Маркитант наполеоновской армии. Двадцать четыре года. Из Лиона, сын булочника. В армию пошёл не за славой — за деньгами. Торговал сухарями, сушёным мясом, дешёвым вином и тёплыми носками для офицеров. В сражениях не участвовал — прятался в обозе.

В Москву Пьер вошёл одним из первых, но грабить не стал. Он боялся. Боялся наказания, боялся мародёров, боялся, что русские вернуться и перережут всех, кто взял чужое. Поэтому он просто торговал в своём фургоне — честно, без наценок. Офицеры его уважали: «Пьер — хороший парень, не ворюга».

Отступление началось 19 октября. Французы уходили из Москвы по Калужской дороге, но русские войска преградили путь. Пришлось поворачивать на старую Смоленскую — ту самую, где не было ни запасов, ни жилья, ни даже нормальных деревень.

Пьер шёл со своим фургоном. У него были две крепкие лошади, запас продовольствия на месяц, бочонок вина и два тулупа — себе и на продажу.

В конце октября ударили морозы. Сразу минус двадцать. Лошади падали, солдаты замерзали прямо на ходу. Обоз растянулся на десять километров, командиры бросили своих людей, никто никого не ждал.

В какой-то день к Пьеру подошёл молодой поручик. Лоран Делон. Двадцать два года. Бледный, с красными глазами, без шинели. Он попросил подвезти его до Вильно.

— Я не больной, — сказал Лоран. — Просто замёрз. И ночью не спал. Дай посидеть на облучке.

Пьер пожалел его. Посадил рядом с собой. Накормил сухарём, налил вина для тепла.

Два дня они ехали вместе. Лоран оказался приятным парнем — из хорошей семьи, знал итальянский, смеялся над собственным положением: «Мой отец сказал: „Иди прославляй Францию“. Не думаю, что он имел в виду замерзание в русской грязи».

На третий день Лорана скрутило. Он начал кашлять — сначала сухо, потом с мокротой. Температура подскочила так, что жар чувствовался через два тулупа. Пьер понял: это не простуда. Это тиф.

Он испугался. Смертельно. В бессмертие души Пьер не верил, он был сыном булочника — верил в хлеб, деньги и здоровье. А тиф косил французскую армию быстрее, чем русские пули.

Пьер решил избавиться от Лорана.

Он сделал это ночью, когда поручик спал в фургоне. Не убивал — просто выпряг одну лошадь, перетащил на неё самые ценные припасы: половину сухарей, бочонок с вином, один тулуп. Лоран проснулся от того, что фургон накренился.

— Пьер? — окликнул он. — Что ты делаешь?

— Прости, — сказал Пьер. — Я не могу рисковать. У меня семья в Лионе.

— Какая семья? Ты же говорил — нет ни жены, ни детей!

Пьер ничего не ответил. Он вскочил на лошадь и уехал в темноту, не оборачиваясь.

Что случилось с Лораном, Пьер узнал через три дня. Он нагнал другую группу отступающих. Там был офицер из того же полка, что и Лоран. Офицер сказал:

— Делон? Он умер. Нашли в фургоне. Лошадь сдохла, еды не было. Он замёрз. Но перед смертью написал письмо отцу, представляешь? Своей кровью на краю фургона. «Простите, не оправдал надежд».

Пьер запомнил эти слова. Они врезались в память, как заноза.

Он добрался до Вильно, но через две недели сам слёг с тифом. Умирал в лазарете, где на полу вповалку лежали десятки таких же. Перед последним вздохом он всё пытался вспомнить лицо Лорана. Вспомнил только бледную щёку и красные глаза. И кашель. И слова: «Простите, не оправдал надежд».

Он умер с ощущением, что его кожа горит изнутри. Хотя это был всего лишь жар.

Третья — 1919 год, Екатеринославская губерния, село Синельниково. Гражданская война.

Его звали Андрей Соболев. Поручик Добровольческой армии. Двадцать девять лет.

Это предательство было самым чистым. Без чумы, без тифа, без голода. Просто страх.

Их взяли в плен 4 ноября. Отряд Андрея прикрывал отступление белых к Перекопу. Красноармейцев было втрое больше, бой длился четыре часа, потом кончились патроны.

Андрея и штабс-капитана Владимира Кирсанова захватили вместе. С ними ещё пятерых солдат и командира полка — полковника Ржевского. Ржевского расстреляли сразу, прямо во дворе помещичьего дома, где устроили допросную.

Андрей и Кирсанов сидели в подвале. Дверь была старая, дубовая, с железной лентой. Можно было попытаться выломать — пьяный красноармеец на входе спал. Кирсанов предлагал.

— Рискнём, Андрей. Вдвоём уйдём.

— Увидят, — сказал Андрей. — Застрелят.

— А так не застрелят?

— Так хоть не сразу.

Они не ушли. Через два часа Андрея вызвали на допрос.

Красноармейский командир — молодой, лет двадцати пяти, с наганом на боку — говорил с ним почти вежливо. Спросил про адреса, про связи в городе, про другие офицерские группы. Андрей молчал.

Тогда командир сказал спокойно, без угрозы:

— Соболев, у тебя же семья в Харькове? Жена, дочка? Мы можем найти. Не мы, так особысты. Хочешь, чтобы они сидели в подвале вместо тебя?

У Андрея действительно была семья в Харькове. Жена Катя, дочка Наденька, четыре года. Он не знал, правда ли красноармейцы могут их найти. Но он испугался. Он представил Катю в этом подвале. И назвал адрес.

Явка на Сумской улице. Дом 17, квартира 9. Там скрывались ещё два офицера их полка. И там же, по иронии судьбы, в тот момент находился Кирсанов — его отпустили за водой и приказали вернуться. Кирсанов вернулся. Попал в засаду.

Его повесили на следующий день на базарной площади.

Андрея расстреляли через неделю. Но перед этим, как объяснил командир, «для острастки» закопали живьём по грудь в земле. Стоял ноябрь, земля уже промёрзла, яму копали три часа. Его опустили в неё, засыпали до живота, прибили доской.

— Подумай, — сказал командир. — Подумай, правильно ли ты прожил жизнь.

Андрей думал. Десять часов. Пока мороз не добрался до костей. Пока слёзы не замёрзли на щеках. Он думал о Кирсанове, который доверял ему. Который сказал: «Вместе, Андрей, не сдаём своих». И о том, как он произнёс адрес тихим голосом, боясь за жену и дочь, которых всё равно потерял — год спустя Катя вышла замуж за красного командира и уехала в Москву, а Наденьку он так и не увидел.

Перед смертью, когда земля дошла до груди, Андрей прошептал:
— Прости, Володя. Я испугался.

Артём Серебряков, 2024 год, Санкт-Петербург, частный детектив. Тридцать пять лет. Он помнил все три смерти. Не как кино — как собственные дни рождения. Вкусы, запахи, цвет неба перед тем, как наступила тьма. Помнил и ненавидел себя за каждую.
«Ты предатель», — говорил он себе каждое утро. — «Ты трус. Ты заслужил страдать».
Он заслужил. Он знал это точно.

Артём встал с кровати, прошлёпал босыми ногами в ванную, сунул голову под кран. Ледяная вода обожгла затылок, стекая по шее на грудь. Он стоял так с минуту, пока дыхание не выровнялось. Потом вытер голову полотенцем, подошёл к зеркалу.

Лицо было бледным. Синяки под глазами — поживее, чем обычно. Он знал, что это не бессонница. Это от воспоминаний. Тело помнило смерть лучше, чем мозг. Левая нога ныла после сна про 1919 год — ныла ровно в том месте, где земля давила сильнее всего. Живот крутило после чумного барака. А после 1812-го чесалась кожа, будто сыпь на ней была.

— Фантомные боли, — сказал он вслух. — У мертвецов их не бывает. Только у живых.

Он умылся, почистил зубы, побрился — механически, без зеркала, наощупь. Руки делали своё дело, пока мысли крутились вокруг звонка.

Девушка. Лилия Черепанова. Двадцать три года. Выбросилась из окна в четыре утра. На руке написано «Ноль».

Артём вышел из ванной, достал из тумбочки чистую рубашку — единственную, которую погладил на прошлой неделе. Джинсы, куртка, ботинки. Пистолет в сейфе он трогать не стал — не тот случай. Никто не угрожал. Просто странная смерть.

Он сел за стол, включил ноутбук. Пока грузился — минута, не меньше — налил остывший чай, сделал глоток. Горький. Принцесса Нури, мать её.

Система ожила. Артём вбил в поиск: «Лилия Черепанова самоубийство».

Вылезла только одна новость — короткая, на городском портале, без фото. «В ночь на 12 сентября в доме 24 по набережной Фонтанки выбросилась из окна 23-летняя девушка. Личность установлена, по факту ведётся проверка. Предварительная причина — суицид».

Ниже — десять комментариев. Два соболезнования, три «эпидемия самоубийств, где власти смотрят», один оккультный бред про «чёрных жнецов» и четыре срача меж анонимов.

Артём закрыл вкладку.

Полез в соцсети. «ВКонтакте» у Лилии был открытый профиль. Последний пост — от 10 сентября, за два дня до смерти. Фото: кофе в бумажном стаканчике, на заднем плане Невский. Подпись: «Иногда кажется, что если перестать бояться, мир рухнет. А может, это мир и есть страх?»

Под постом — три лайка, один комментарий от подруги: «Лилия, ты в порядке?» Ответа не было.

Артём пролистал стену дальше. Обычная девушка. Селфи, цитаты про психологию (она же училась на психолога), репосты статей про тревожные расстройства, мемы про сессии, картинка с котиками.

Ничего. Ровно ничего подозрительного.

Кроме одного.

Телефонный звонок. Запись.

Артём перечитал описание: «Девушка выбросилась из окна в четыре утра. У неё на руке было написано слово „Ноль“».

Он вспомнил свой сон. Там не было слова «Ноль». Но там было другое: ощущение, что кто-то снимает с него энергию.словно из солнечного сплетения вытягивают нить, и чем больше боишься, тем сильнее тянут.

Артём тряхнул головой. Хватит. Это работа. Сны и чужие странные смерти не связаны.

Он закрыл ноутбук, взял ключи и вышел из квартиры.

На улице было сыро. Сентябрьское утро в Питере пахло мокрым асфальтом, выхлопными газами и осенней листвой, которая уже начала гнить в кучах у парадных. Артём купил у метро дешёвый пирожок с капустой — это был завтрак — и пошёл к Каменному мосту.

Идти было минут двадцать. Он специально вышел рано, чтобы пройтись. Мысли укладывались в голове в папки: дело Черепановой — раз, странный звонок подруги — два, слово «Ноль» — три.

Подруга ждала у перил. Молодая женщина, чуть старше Лилии — двадцать пять-двадцать шесть. Короткая стрижка, длинное пальто, лицо опухшее от слёз. Она курила, и руки у неё тряслись.

— Артём Леонидович? — спросила она, когда он подошёл.

— Серебряков. Вы Инга?

— Инна. Инна Морозова.

— Рассказывайте.

Инна затушила сигарету о перила, сунула окурочек в карман — куда-то механически, не глядя.

— Я пришла к ней вчера утром. Ну, то есть сегодня. В восемь утра. У нас был ключ друг от друга. Я зашла, а она... она лежала внизу. Под окном. Я сначала не поняла, что это она. Потом увидела татуировку на руке.

— Какую татуировку?

— У неё был эскиз. Забавный. Котик с крыльями. Она планировала набить через неделю. Но на левой руке, там, где обычно часы носят, было написано. Фломастером. Красным. «Ноль».

— Вы видели это сами?

— Да. Я... я сфотографировала. Пока полиция не приехала.

Инна достала телефон, нашла фото. Артём взял его, всмотрелся.

Рука мёртвой девушки. Бледная, в синих прожилках. На запястье — слово, написанное неровными печатными буквами: «НОЛЬ». Не капслоком, но крупно, на всю внутреннюю сторону запястья.

— Её что, по голове ударили? — спросил он. — Может, кто-то написал?

— Нет, подруга, — Инна всхлипнула. — Это её почерк. Я узнала. Она так букву «Л» писала — с петлёй. В институте конспекты вела. Это её рука.

Артём вернул телефон.

— Что она говорила вам перед смертью? Не в последний день, а вообще. В последнее время.

Инна задумалась. Собрала губы в нитку, сжалась вся — как будто готовилась сказать что-то, о чём знала, что это прозвучит безумно.

— Она стала странной. Месяца три назад. Сначала я думала — депрессия. Но нет. Она не грустила. Она... освободилась.

— От чего?

— От страхов. Она читала какие-то книги. Проходила курсы. Говорила, что нашла способ «обнулить частоту», но не объясняла подробно. Сказала только: «Ты не представляешь,

сколько энергии мы отдаём просто за то, что боимся». Я думала — увлечение психологией. Она же на психфаке, там вечно с теориями носятся.

Артём слушал внимательно, почти не дыша. «Обнулить частоту» — в его голове что-то щёлкнуло. Эти слова он слышал раньше. Не во сне. В жизни. Но где?

— Частота, — повторил он вслух. — Она использовала это слово?

— Всё время. Говорила: «Страх — это частота 17 герц». Я не помню, откуда она взяла эту цифру. Может, из какой-то статьи.

Артём достал блокнот — старый, в кожаном, весь исписанный — и записал: «17 Гц — страх».

— Как вы нашли меня? — спросил он.

— Мне дал ваш номер отец Илья. Он сказал: «Если что-то будет связано с нулём или частотами, позвони Серебрякову. Он поймёт».

Артём замер.

— Отец Илья? — переспросил он. — Илья Градов?

— Да. Вы его знаете?

Артём не ответил. Он убрал блокнот в карман и посмотрел на воду. Фонтанка сегодня была тёмной, почти чёрной. Какие-то утки плавали у противоположного берега, не обращая внимания на то, что на этом берегу кто-то только что разбился насмерть.

Отец Илья. Бывший священник. Расстрига. Последний раз Артём видел его года два назад, когда тот жил в Псковской области в какой-то полуразрушенной часовне и говорил странные вещи. Что страдание не очищает. Что карма — это механизм, а не закон. Что «никто не должен страдать, система просто голодна».

Тогда Артём подумал — сумасшедший старик. Списывал. Не верил.

А сейчас? Сейчас девушка выбросилась из окна с числом 17 Гц и словом «Ноль» на руке.

— Где я могу найти отца Илью? — спросил он.

— Он приезжает в Петербург раз в месяц. Читает лекции. Нелегально, в арендованных подвалах. Говорит о чём-то, что называет «нулевой частотой». Я была на одной, полгода назад. Тогда я не поняла ни слова. Лиля... она ходила постоянно.

— Когда ближайшая лекция?

— Завтра. Вечером. Я могу дать адрес.

Артём кивнул. Инна достала телефон, переслала ему сообщение с адресом и временем.

— Артём Леонидович, — тихо спросила она. — Вы верите, что её убили?

Он помолчал. Потом сказал честно, глядя ей в глаза:

— Не знаю. Но то, что её смерть — не просто суицид, я уже уверен. Слишком много совпадений.

Инна заплакала. Молча, без звука — только слёзы побежали по щекам. Артём не знал, как её утешить. Он вообще не умел утешать. После трёх жизней, где он предавал людей, каждая попытка утешения казалась ему лицемерием.

— Держитесь, — сказал он и развернулся к метро.

Он отошёл на десять шагов, когда Инна окликнула его:

— Артём Леонидович!

Он обернулся.

— Вы не спросили. Главное. Почему она выбросилась именно в четыре утра?

— Почему?

— Она говорила: «Система активна с трёх до пяти. В это время она сканирует частоты. Если ты боишься — она тебя видит. Если нет — она ищет. В четыре утра она наиболее голодная».

Система. Сканирование. Частоты.

Артём почувствовал, как игла в солнечном сплетении дёрнулась. Больно. В первый раз за много лет — не фантомная боль от прошлой смерти, а настоящая. Живая.

— Спасибо, — сказал он. — Я разберусь.

Он ушёл быстрым шагом, не оборачиваясь. На подходе к метро достал телефон и набрал номер, который знал наизусть.

— Алло, — ответил мужской голос, хриплый, с простуженными нотками.

— Отец Илья? Это Артём Серебряков. Детектив. Вы меня помните?

Пауза. Потом — смешок.

— Помню, помню. Ты тогда назвал меня безумцем. И ушёл, хлопнув дверью.

— Я был неправ.

— О, — голос стал серьёзнее. — Значит, до тебя начало доходить. Что случилось, Артём?

— Девушка выбросилась из окна. Лилия Черепанова. Имя вам о чём-то говорит?

Долгое молчание. Артём слышал на том конце, как завывает ветер — отец Илья был явно не в городе, где-то в деревне или лесу.

— Лиля, — наконец сказал он. — Умная девочка. Слишком умная. Я говорил ей: не лезь глубоко, пока не поймёшь, как защититься. Она не послушала. Её съели, Артём. Система съела её.

— Какая система?

— Приходи завтра. Я всё объясню. Только не опаздывай. И не приводи никого. Те, кто приходят с компанией, возвращаются домой с чужими частотами в голове.

Отец Илья отключился.

Артём убрал телефон, спустился в метро. Станция была полупустой — час пик ещё не начался, но народ уже потихоньку подтягивался. Где-то играла музыка, уличный музыкант наяривал на гитаре что-то грустное.

Он сел в вагон, уставился в окно. Тоннель. Тьма. Изредка вспышки света от ламп.

«Система», — подумал он. Глупое слово. Слишком научное для того, что пахло мистикой. Но слово «Ноль» на руке мёртвой девушки пахло не мистикой. Оно пахло методом. Чётким, расчётливым, понятным.

Кто-то или что-то сделал так, что Лилия перестала бояться. А потом умерла.

«Если я перестану бояться, меня не станет», — сказала она.

Артём закрыл глаза. В темноте века вспыхнуло лицо Кирсанова — повешенный штабс-капитан смотрел на него с укоризной.

— Я заслужил страдать, — прошептал Артём. — Но она — нет.

Поезд нырнул в очередной тоннель. Где-то в Челябинске, за две тысячи километров, человек в бункере открыл глаза. Посмотрел в потолок. И закрыл снова.

Разница в частоте между ним и Артёмом была тридцать семь герц.

Домой Артём вернулся к обеду. Настроения не было ни есть, ни пить, ни даже раздеваться. Он сел за стол, открыл ноутбук и начал гуглить.

«Частота страха 17 Гц».

Вылезли научные статьи. Инфразвук. Исследования 1960-х годов, когда выяснили, что частота 17—19 Гц вызывает у человека необъяснимый ужас. Панику. Ощущение присутствия чего-то чужого в комнате. Учёные из НАСА проверяли это на космонавтах — низкочастотные вибрации давали эффект «призрака».

Дальше — больше. Частота вины. Артём вбил запрос. Ничего конкретного — пара статей в любительских журналах про психологию, одна работа по нейролингвистическому программированию. Но цифры не было.

Он вспомнил слова Инны: «Страх — это частота 17 герц». Лиля говорила именно про страх. Про вину — ничего.

Артём открыл новую вкладку. «Система сканирования частот».

Вылезли сайты про радиолокацию, военные разработки, биометрические сканеры в аэропортах. Ничего общего.

Он откинулся на спинку стула.

— Глупо, — сказал он вслух. — Ты ищешь конспирологию, а надо работать по фактам.

Факты были такие:

Лилия Черепанова, 23 года, студентка психфака, покончила с собой в 4 утра.

На её руке было слово «НОЛЬ».

Она говорила подруге про частоты и систему.

Она посещала лекции отца Ильи — человека, который года два назад втирал Артёму что-то про «энергетическое рабство».

Подруга нашла детектива через того же отца Илью.

Всё. Больше ничего.

Артём полез в базы — у него остались старые знакомства в полиции, пара человек в информационном центре, которые за небольшую плату пробивали данные. Нашёл телефон участкового, который вёл проверку по делу Черепановой.

— Слушай, Коля, — сказал он, когда трубку взяли. — Дело девушки с Фонтанки. Что там?

— Тёма? — голос был сонный, невыспавшийся. — А ты каким боком?

— Подруга попросила. Частное расследование. Понимаешь, родственники не верят в суицид.

— Да какой там суицид, — Коля зевнул. — Чистое самоубийство. Свидетели есть, предсмертной записки нет, но это необязательно. Девка слетела с катушек, бывает.

— Экспертиза была?

— Поверхностная. Алкоголя нет, наркотиков нет. Но что-то с психикой — эксперт сказал, могла быть острая фаза шизофрении. Ты же знаешь, как у нас психиатрию проверяют: если нет справки, считай здоров.

— А слово на руке?

— Что слово?

— «НОЛЬ». Фломастером красным.

Коля замялся.

— Ну, было. А что такого? Мало ли что человек перед смертью нарисует. Один мужик перед прыжком с крыши написал на асфальте «Президент козёл». Ты будешь расследовать политическое убийство?

Артём не спорил.

— Спасибо, Коля. Если что всплывёт — позвони.

Он положил трубку. Шизофрения. Удобное объяснение для всего, что не вписывается в картину мира.

Его телефон завибрировал — сообщение от отца Ильи.

«Завтра 19:00. Подвал дома 15 по улице Марата. Вход со двора, три звонка, пауза, два звонка. Никому не говори».

Артём перечитал три раза. Похоже на конспиративную встречу подпольщиков. Или на секту. Или на то и другое вместе.

Он решил не думать об этом до самого вечера. Надо было работать — у него были и другие клиенты. Семейная пара собиралась разводиться, муж просил проверить жену на измену. Стандартный заказ, такой Артём делал по десять штук в год. Надоело до зубного скрежета, но деньги платили нормально.

Он просидел за компьютером до шести, собирая информацию по мужу и жене: соцсети, геолокации, косвенные признаки. Ничего криминального — просто женщина проводила время вне дома, а муж был параноиком.

В шесть он заказал доставку, съел пересоленную лапшу с курицей, выпил ещё чаю. Потом решил пройтись.

Питер вечером — это отдельный вид искусства. Фонари уже зажглись, но темнота ещё не наступила. Город висел в сумерках, как между жизнью и смертью. Артём любил это время. Оно не требовало от него ни радости, ни грусти. Просто позволяло быть.

Он прошёл по Гражданскому до метро, спустился, доехал до Невского. Вышел — и смешался с толпой.

Толпа в центре Питера всегда одинаковая: туристы с картами, местные с уставшими лицами, студенты с пивом, бомжи с протянутой рукой. Артём шёл медленно, смотрел по сторонам, но не как турист — как охотник. Привычка оперская. Отмечать лица, фиксировать углы, просчитывать пути отхода.

Он не знал, зачем вышел. Может, чтобы проветрить голову. Может, чтобы оттянуть момент, когда придётся засыпать и снова видеть, как земля давит на грудь.

У Дворцового моста он остановился. Посмотрел на Неву. Вода была тёмной, почти чёрной, на поверхности плясали блики фонарей. Какой-то парень сидел на парапете и играл на гитаре — тот самый с утра, из метро. Или другой, неважно.

Артём думал о Лиле.

Двадцать три года. Училась на психолога. Смеялась, смотрела сериалы, заказывала пиццу. А потом написала на руке «НОЛЬ» и выбросилась из окна.

Почему?

Не потому, что у неё была шизофрения. Не потому, что она была в депрессии. А потому, что она нашла что-то. Что-то такое, что заставило её поверить: перестать бояться — это смерть.

«Если я перестану бояться, меня не станет», — сказала она.

Это напоминало суицидальную идеацию. Убеждение, что жизнь кончится, если исчезнет страх. Но в мировой психиатрии нет такого диагноза. Страх — это защита. Без него человек становится рискованным, импульсивным, но не мёртвым.

Значит, Лиля имела в виду что-то другое.

Артём вспомнил слова отца Ильи из прошлой их встречи.

«Ты думаешь, что страдание — это испытание, — говорил тогда Илья, сидя на развалившемся диване в часовне. — Нет. Страдание — это продукт. Его производят, его собирают, его едят. Ты — скот на бойне, который верит, что его муки имеют смысл».

Артём тогда не понял. Подумал — религиозная шизофрения. Человек сорвался на теме страдания, потому что церковь его выгнала.

А теперь?

Теперь он вспомнил эти слова иначе.

«Продукт. Собирают. Едят».

Он представил. Если страх — это частота, её можно измерить. А если можно измерить — можно и передать. Как радиоволну. Кто-то настраивается на твою панику и забирает её энергию.

Бред. Полный бред.

Но слово «НОЛЬ» на руке мёртвой девушки не было бредом. Оно было фактом.

Артём достал телефон. Уже десять вечера. Завтра в семь — лекция отца Ильи. Он решил, что надо выспаться. Кошмары не в счёт — организм привык. Главное, чтобы нога не болела.

Он пошёл обратно к метро. По пути купил бутылку воды и пачку печенья — в холодильнике всё равно шаром покати. Дома разделся, залез под душ. Стоял под горячей водой, пока кожа не покраснела.

Потом лёг в кровать. Закрыв глаза.

Перед сном всегда приходили образы. Не сны — так, калейдоскоп. Лицо Кирсанова. Пылающая повозка с боеприпасами под Верденом. Ветхий фургон в снегу, где замёрз Лоран с открытыми глазами.

— Я заслужил страдать, — прошептал Артём в темноту. — Но Лиля — нет.

Он уснул. Спал без снов. Впервые за долгое время.

В четыре утра его телефон зажужжал — сообщение от неизвестного номера.

«Не ходи на лекцию. Они тебя увидят».

Артём не проснулся. Слишком крепко спал.

Человек в бункере выдохнул в 4:03. Медленно. Сорок секунд.

Его частота — 0,00 Гц — не изменилась.

Но в его сторону, из-за Урала, шёл сигнал. Частота 17 Гц. Кто-то сканировал пространство в поисках страха.

Бункер был невидим. Человек — нет.

Артём проснулся от вибрации телефона. Не от звонка — от уведомления. Он потянулся к тумбочке, взял аппарат, шурясь от яркого экрана. Четыре утра. На дисплее — сообщение от неизвестного номера.

«Не ходи на лекцию. Они тебя увидят».

Он прочитал дважды. Потом сел на кровати, потёр лицо ладонями.

— Кто это? — написал в ответ.

Сообщение ушло. Никто не ответил.

Артём набрал номер — «абонент недоступен». Проверил время отправки — 4:03. Пятнадцать минут назад. Пока он спал.

«Они тебя увидят». Кто — «они»? И что значит «увидят» — в смысле заметят? Или в том, другом, о котором говорила Лиля: «система сканирует частоты»?

Он отложил телефон, но заснуть не смог. Лежал в темноте, смотрел в потолок и думал. Мысли были липкими, невнятными, как мокрая простыня. Иногда они складывались в картинку: человек в бункере. Человек, которого он никогда не видел, но который почему-то казался ему знакомым. Не лицом — состоянием.

«Не ходи на лекцию».

Конечно, он пойдёт.

В семь утра Артём встал, принял душ, побрился. Надел тёмные джинсы, чёрную водолазку — почти как форма, чтобы не выделяться. Пистолет он всё-таки взял. Сунул в наплечную кобуру под куртку. Не потому, что ждал стрельбы. Просто привык, что в странные дела лучше входить с оружием.

До улицы Марата он доехал на метро без приключений. Адрес, который прислал отец Илья, находился в старом доме с облупившимся фасадом и коваными воротами. Во дворе пахло кошками и сырым подвалом.

Артём нашёл нужный вход. Тяжёлая железная дверь с кодовым замком, но код был не нужен — сбоку прибита табличка с перечнем организаций, среди которых значилось: «Клуб любителей истории психоанализа, 2-й этаж, домофон 48».

Он набрал 48. Тишина. Потом короткий гудок и женский голос:

— Кто?

— Серебряков. От отца Ильи.

— Три звонка, пауза, два.

Артём повесил трубку. Нажал три раза, подождал, нажал два. Дверь щёлкнула.

Он вошёл. Подъезд был грязным, с разбитыми почтовыми ящиками и запахом мочи. На втором этаже — ещё одна дверь, обитая дерматином. Открыл сам — не заперто.

Внутри была большая комната, когда-то, видимо, актовый зал какого-то клуба. Сейчас — дешёвые складные стулья рядами, человек сорок уже сидели. Разные: от студентов с рюкзаками до пожилых женщин в платках и мужчин в дорогих костюмах. Все молчали. Тишина была плотной, почти осязаемой.

В конце комнаты стоял простой деревянный стол. На столе — ноутбук, колонка, стакан с водой. И отец Илья.

Он изменился за два года. Пополнел? Нет, скорее обрюзг. Борода стала длиннее, волосы — реже. Глаза остались теми же: серые, глубокие, как колодцы. Он смотрел на вошедшего Артёма и улыбался краешком губ.

— Серебряков, — сказал он негромко. — Пришёл-таки. Садись.

Артём сел на последний ряд. Слева от него сидел парень лет двадцати в футболке с группой «Король и Шут», справа — женщина в деловом костюме с бейджем «Сбербанк». Странная публика.

Отец Илья подождал ещё пять минут — никто больше не пришёл. Потом встал, взял стакан с водой, отпил глоток. Кашлянул.

— Начнём, — сказал он. — Тема сегодня: «Ноль как частота выхода из системы». Но сначала напомню старым и расскажу новым.

Он говорил без бумажки, спокойно, почти буднично.

— Реинкарнация, — сказал он, — это не школа. Не развитие души. Не возможность исправить ошибки прошлой жизни. Это реактор.

Артём напрягся. Слишком похоже на то, что он слышал два года назад. Тогда отец Илья тоже начинал с этих слов.

— Карма — не закон справедливости, — продолжал Илья. — Это протокол удержания. Частотная метка, которую система ставит на вас, чтобы вернуть в новое тело. Чтобы вы снова боялись, снова винили себя, снова отдавали энергию.

В зале зашептались. Кто-то согласно кивал, кто-то крутил головой — не верил.

— Я покажу вам график, — отец Илья развернул ноутбук, нажал на клавишу. — Вот частоты страха, — он ткнул пальцем в красный пик. — 17 герц. Вот частота вины — 22 герца. Вот гнев — 31. Чем ниже частота, тем плотнее топливо. Системе выгодно, чтобы вы боялись, но не сражались. Чтобы винили себя, но не осознавали. Она выращивает вас, как скот на убой. Убой — это смерть. А после — новое тело. Новый цикл.

Артём почувствовал, как игла в солнечном сплетении дёрнулась. Эти цифры — 17, 22, 31 — они врезались в память. Лиля говорила про 17. Теперь Илья подтверждал.

— Но есть исключение, — отец Илья поднял палец. — Состояние, которое система не может ни измерить, ни использовать. Ноль. Не подавление эмоций. Не аскетизм. Абсолютное отсутствие резонанса. Вы не перестаёте бояться — вы перестаёте отдавать свой страх. Вы не перестаёте злиться — вы перестаёте питать систему своей злостью.

— Как этого достичь? — спросил кто-то из первых рядов.

Отец Илья посмотрел на него тяжело.

— Не вопрос «как». Вопрос «зачем». Система не хочет, чтобы вы знали зачем. Потому что если вы поймёте, что ваше страдание не имеет смысла, вы перестанете страдать. А без страха и вины система голодает.

Он перевёл взгляд на Артёма. Смотрел секунду, две, три. Потом сказал:

— Сегодня у нас особый гость. Артём Серебряков. Частный детектив. Тот, кто расследует смерть девушки, которая попыталась выйти в ноль.

Все головы повернулись к нему. Артём сжал челюсть. Ему не нравилось, когда его выставляли перед толпой. Но он промолчал.

— Лилия Черепанова, — отец Илья произнёс имя медленно, как молитву. — Она нашла способ снижать свою частоту. Она боялась всё меньше. Она почти достигла нуля. Но система заметила её.

Тишина в зале стала вакуумной.

— Что значит «заметила»? — спросил Артём негромко. Голос прозвучал громко в этой пустоте.

Отец Илья посмотрел на него с жалостью.

— Есть те, кто работает на систему. Не люди. Бывшие люди. Они называются сборщиками. Они видят частоты. И если чья-то частота падает слишком низко — приходят и... настраивают обратно. Силой.

— Как — силой?

— Вызывают страх. Любой ценой. Ложная угроза. Настоящая угроза. Забирают близких. Или... убеждают, что человек заслуживает страдать.

Артём замер. «Ты заслужил страдать» — его собственная утренняя молитва.

— Лиля не выдержала, — закончил отец Илья. — Они заставили её бояться так сильно, что она выбросилась из окна. Не чтобы убежать от страха. Она просто не могла больше отдавать эту энергию. Система взяла всё до последнего герца.

— Это убийство, — сказал Артём. В его голосе не было вопроса.

— Да. Только доказать невозможно. Потому что сборщики не оставляют следов. Они творят страх, но сам страх не виден ни камерам, ни свидетелям. Только приборы.

— Какие приборы?

Отец Илья усмехнулся.

— У меня нет приборов. Я — бывший священник, а не лаборант. Но есть человек в Петербурге, у которого они есть. Нейробиолог. Она измеряет частоты мозга. И недавно она зафиксировала кое-что...

— Кто она? — спросил Артём.

— Алиса Ветрова. Научный сотрудник Института мозга человека. Завтра в десять утра возьми её телефон у администратора института. Скажи, что от меня. И покажи ей это.

Отец Илья достал из кармана флешку. Протянул Артёму.

— Там записи Лилиных частот. Я уговорил Алису провести измерение две недели назад. Динамика падения — резкая, почти вертикальная. А за сутки до смерти — всплеск. Резкий подъём до 25 герц. Это кто-то врубил её страх на полную мощность. А потом она выпала из окна.

Зашептались громче. Кто-то встал, собираясь уйти. Женщина из «Сбербанка» схватилась за сердце.

— Спокойно, — сказал отец Илья. — Никто из вас сейчас на грани. Система не трогает тех, кто даёт ей стабильную частоту. Она трогает тех, кто пытается выйти. Как Лиля. Как, возможно, скоро будет пытаться кто-то из вас.

Он посмотрел на Артёма.

— Или ты.

— Почему я? — спросил Артём, хотя ответ уже знал.

— Потому что твоя частота, Серебряков, сейчас около 6 герц. Это очень низко. Система тебя видит. Рано или поздно сборщики придут к тебе.

— Вы можете измерить мою частоту? — спросил Артём с вызовом.

— Не здесь. Но я знаю. Я вижу людей насквозь. Твоя проблема не в том, что ты боишься. Твоя проблема в том, что ты считаешь свой страх правильным. Ты думаешь, что заслужил его. Что страдание очищает. Это ложь. Страдание — это корм. Ты — кормушка.

Артём встал. Стул скрипнул.

— Спасибо за лекцию, — сказал он сухо. — Я подумаю.

Он направился к выходу, чувствуя спиной взгляды. На пороге остановился.

— Отец Илья, вы верите в бога?

Илья усмехнулся печально.

— Я верю в то, что бога нет. И именно это спасение.

Артём вышел. В подъезде он перевёл дух. Руки дрожали. Не от страха. От злости.

«Ты — кормушка».

Он достал телефон. Набрал сообщение своему старому знакомому из полиции:

«Пробей имя Алиса Ветрова, нейробиолог, Институт мозга».

Через пять минут пришёл ответ:

«Алиса Витальевна Ветрова, 29 лет. Всё чисто. Но странно: её лабораторию засекретили месяц назад. Гриф „для служебного пользования“. Что нарыл?»

Артём не ответил. Он вышел на улицу. Сентябрьская ночь была тёмной, но не холодной.

Он посмотрел на небо — звёзд не было, только размытая подсветка города.

Где-то там, за две тысячи километров, человек в бункере снова выдохнул. Медленно.

Долго.

Его частота — 0,00 Гц.

Рядом с бункером, на поверхности, кто-то ходил. Сборщик. Проверял территорию.

Система искала сбой.

Система была голодна.

Глава 2. Сборщик

Артём вышел с лекции в половине девятого вечера. Двор был тёмным, фонарь над аркой мигал с частотой, похожей на сердцебиение. Он остановился, замер на секунду, прислушиваясь к себе.

Внутри было тихо. Не спокойно — именно тишина. Как будто кто-то выключил звук.

Отец Илья говорил вещи, которые звучали как бред. Но цифры — 17, 22, 31 — совпадали с тем, что говорила Лиля. И слово «НОЛЬ» на её руке совпадало с «нулевой частотой». И то, как он сам каждое утро шептал «я заслужил страдать» — совпадало с тем, что Илья назвал кормом для системы.

«Ты — кормушка».

Артём оперся о стену. Кирпич был холодным, с отколотым куском штукатурки. Он попытался представить, что его страх — это не его. Что кто-то приходит и забирает энергию, как электричество из розетки. Это было странно. Но не более странно, чем помнить три свои прошлые смерти.

«Если я заслужил страдать, система права, — подумал он. — Если не заслужил — она меня обманывает».

Вопрос был не в том, существует ли система. Вопрос был в том, виноват ли он.

Мысль ударила в затылок: а что, если три его предательства — не карма, а просто набор фактов? Что, если никакого долга нет? Что, если он сам себя наказал, придумал карму, чтобы было за что страдать?

Страх без причины — это просто химия. Страх с причиной — это смысл. Лиши его смысла — и он исчезнет. Вместе с ним исчезнет и топливо.

Артём отлепился от стены. Пора было идти.

Он вышел на улицу Марата, повернул к метро. Народу было много — вечер пятницы, все куда-то спешат. Он любил эту толпу за анонимность. В толпе никто не смотрит на тебя дольше секунды. Ты просто ещё одно тело, ещё одно лицо.

Он зашёл в вагон. Сесть не удалось — всё занято. Встал у двери, уцепился за поручень. Поезд тронулся.

И тогда он почувствовал взгляд.

Не тот взгляд, когда кто-то случайно смотрит в твою сторону и отводит глаза. Нет. Тяжёлый, цепкий взгляд — как крюк, зацепившийся за затылок. Артём обернулся.

Через три метра от него стоял мужчина. Лет сорока пяти — сорока восьми. Короткая стрижка с сединой на висках. Очки в тонкой оправе. Пальто серое, дорогое, но не кричащее. В руках — кожаный портфель. Выглядел как врач скорой помощи в выходной день: уставший, внимательный, чуть насмешливый.

Они встретились глазами. Мужчина улыбнулся. Не приветливо. Скорее изучающе — как биолог смотрит на бактерию под микроскопом.

Артём отвернулся. Через минуту проверил — взгляд никуда не делся. Мужчина смотрел на него в упор, даже не моргая.

На следующей станции Артём вышел. Дождался закрытия дверей и посмотрел на вагон. Мужчина остался внутри. Стоял у окна и смотрел на него через стекло. Улыбался.

Поезд уехал.

Артём выдохнул. Он не узнал этого человека. Но что-то в его лице было знакомым. Что-то неправильное, как у куклы с идеально нарисованной улыбкой.

Он поднялся на поверхность. Квартира была в двадцати минутах ходьбы. Артём не спешил. Ноги несли сами, мысли перемальвали увиденное.

Мужчина в очках. Сборщик? Или просто странный тип?

Дома он скинул куртку, сел за стол. Открыл ноутбук. Флешка от отца Ильи лежала в кармане джинсов.

Артём подключил флешку. На ней был один файл — график в формате PNG.

Он открыл.

График был простым. Ось X — дни (14 штук, с 28 августа по 10 сентября). Ось Y — частота в герцах. Красная линия ползла вниз: с 14 Гц до шкалы, где значения уже были меньше трёх. А потом — резкий скачок вверх. С 2,5 Гц до 25 Гц за один день. 10 сентября.

А потом — обрыв. Линия кончилась.

Артём смотрел на этот пик. 25 герц. Не 17, не 22, не 31. Промежуточная частота. Может быть, смесь страха и чего-то ещё.

Он увеличил изображение. Внизу графика были мелкие примечания, сделанные от руки. Алисин почерк? Отец Ильи сказал, что замеры делала она.

«Фоновый шум — 2—3 Гц норма. 0 Гц — аномалия. Всплеск 25 Гц — внешнее воздействие. Энцефалограмма показывает активность миндалевидного тела, но источник сигнала — не мозг.»

Артём перечитал последнюю фразу трижды.

«Источник сигнала — не мозг.»

Значит, кто-то воздействовал на Лилин мозг извне. Заставлял бояться. Это подтверждало слова отца Ильи о сборщиках.

Он закрыл график. Открыл поисковик, вбил: «Алиса Ветрова Институт мозга».

Вылезла страница института с кратким описанием сотрудников. Алиса Витальевна Ветрова, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейрофизиологии эмоциональных состояний.

Фото: молодая женщина с каре, без улыбки, в белом халате. Смотрела строго, даже сердито. Красивая, но не той красотой, которая привлекает сразу — той, которая заставляет себя разглядывать.

Текст: «Область научных интересов — нейрокорреляты тревожных расстройств, влияние низкочастотных колебаний на эмоциональную сферу, психакустика.»

Лаборатория была закрыта для посторонних. Координаты: Санкт-Петербург, набережная Академика Павлова, дом 9.

Артём посмотрел на часы — 22:40. Завтра в десять утра он будет у входа.

Телефон завибрировал. Сообщение от того же неизвестного номера, что и ночью.

«Ты был на лекции. Тебя видели. Сборщик уже знает твою частоту. Не спи сегодня в четыре утра.»

Артём набрал ответ:

«Кто ты?»

Через минуту:

«Тот, кто уже вышел из системы. Слушай меня. Не спи в 4 утра. С 3 до 5 система сканирует самые низкие частоты. Если ты спишь — у тебя нет защиты. Они могут войти в твой сон».

Артём усмехнулся. Войти в сон? Звучало как бред. Но весь вечер был бредом — от лекции до мужчины в очках.

«Как защититься?» — написал он.

«Будь в сознании. Не бойся. Наблюдай.»

Артём положил телефон.

Человек в бункере. Кто он? Как он узнал про лекцию? Как узнал его номер?

Может, это отец Ильи притворяется. Проверяет.

Или нет.

В 23:00 Артём лёг спать. Но поставил будильник на 3:30. «Не спи в 4 утра». Он решил проверить.

Засыпал он тяжело. В голове крутились цифры, лица, обрывки фраз. Мужчина в очках из метро. Он не знал имени. Но чувствовал, что они встретятся снова.

Будильник зазвонил в 3:30. Артём вскочил, налил холодной воды из кулера, выпил залпом. Сел на кровать, включил ночник. В комнате было тихо.

Он ждал.

3:45. 3:50. 3:55. 4:00.

Ничего.

— Ну и дурак, — сказал он себе.

В 4:02 в дверь позвонили.

Звонок был коротким, вежливым — как у участкового или почтальона. Артём не пошёл открывать. Подошёл к двери, посмотрел в глазок.

Коридор был пуст.

Звонок повторился. Через три секунды. И ещё через три.

Артём снял пистолет с предохранителя.

— Кто там? — спросил он громко.

— Иннокентий Борисович Палей, — ответил голос из-за двери. Спокойный, интеллигентный, чуть с лёгкой хрипотцой. — Из центра психологической помощи МЧС. У вас, Артём Леонидович, частота упала до критической отметки. Разрешите войти и провести стабилизацию.

Артём замер.

В глазке никого не было. Но голос звучал отчётливо — как будто человек стоял вплотную к двери.

— Вы ошиблись квартирой, — сказал он.

— Нет, — голос был терпеливым, почти ласковым. — Я давно за вами наблюдаю. Три прошлые жизни, каждое предательство, каждое утреннее «я заслужил страдать». Ваша частота — 5,8 Гц. Это слишком низко. Вы рискуете стать нулём. А нули не должны существовать.

Артём прижал пистолет к груди. Сердце колотилось. Страх — настоящий, животный — наполнял лёгкие и желудок, сжимал горло.

— Откройте дверь, Артём Леонидович, — голос стал мягче. — Я не причиню вам вреда. Я просто верну вас в рабочий диапазон. Вы снова будете бояться. Снова будете винить себя. И это нормально. Это правильно. Вы же сами верите, что заслужили страдание.

Артём хотел ответить — и не мог. Язык не слушался. Лёгкие будто налились свинцом.

А потом он вспомнил: «Страх — это дверь. Не открывай дверь».

Он зажмурился. Сделал медленный вдох. Выдох. Представил, как страх собирается в комок в солнечном сплетении — и он просто смотрит на него со стороны. Не борется. Не соглашается. Просто наблюдает.

Он подумал о Лиле. О том, как она падала с балкона. О том, что она написала на руке.

— Я не открою, — сказал он. Голос прозвучал твёрже, чем он ожидал.

Тишина за дверью длилась три секунды.

— Как хотите, — вздохнул Иннокентий Борисович. — Но знайте: ваша девушка, Ветрова, тоже под наблюдением. Завтра вы к ней пойдёте. Мы это знаем.

Шаги. Удаляющиеся.

Потом — тишина.

Артём простоял у двери ещё пять минут. Потом посмотрел в глазок — никого.

Он опустил пистолет. Руки тряслись.

Иннокентий Борисович Палей. Сборщик.

Он знал про Алису. Он знал всё.

Артём сел на пол, прислонившись спиной к двери. В голове пульсировала одна мысль: «Он настраивает частоты. Он заставил Лили бояться. Он хочет заставить бояться меня.»

Он не спал до утра. Смотрел в потолок и слушал, не вернутся ли шаги.

В 7 утра он написал отцу Илье:

«Кто такой Иннокентий Борисович Палей?»

Ответ пришёл через минуту:

«Главный сборщик по Северо-Западу. Бывший психолог МЧС. Не приближайся к нему.

Он умеет читать чужие страхи и возвращать их обратно в усиленном виде. Почему ты спрашиваешь?»

Артём не ответил. Убрал телефон. Встал. Подошёл к окну.

На улице было серое утро. Такое же, как вчера. И позавчера. И всегда.

Он решил, что всё равно пойдёт к Алисе Ветровой.

Потому что если система хочет, чтобы он боялся, он сделает наоборот.

Он пойдёт.

Утро субботы в Петербурге встретило Артёма мелким ледяным дождём. Небо было низким, серым, будто город накрыли мокрой простыней. Он не спал с трёх часов ночи — после визита Палея ни о каком сне не могло быть и речи. Сидел на кухне, пил четвертую кружку чая и смотрел на телефон.

Пришло сообщение от неизвестного абонента.

«Ты не открыл дверь. Это хорошо. Но теперь он знает твой адрес и твою частоту. Будь осторожен с Ветровой. Она под колпаком».

Артём не ответил. Он уже решил: идти к Алисе. Вопрос был не в том, идти или нет. Вопрос был в том, как обезопасить её и себя.

В 8:30 он позвонил отцу Илье. Тот взял трубку после первого гудка — будто ждал.

— Он приходил, — сказал Артём без приветствия.

— Палей?

— Да. В четыре утра. Стоял за дверью. Я не открыл.

Отец Ильи выдохнул — то ли с облегчением, то ли с сожалением.

— Правильно. Если бы открыл — он бы вошёл в твою голову. Не буквально. Он бы нашёл твой главный страх и усилил его в десять раз. Ты бы сошёл с ума или выбросился из окна, как Лиля.

Артём помолчал. Потом спросил:

— Почему он не выломал дверь? У него же есть сила или... я не знаю. Частоты там.

— Ему не нужна сила. Ему нужно твоё согласие, Артём. Понимаешь? Система работает через добровольность. Ты должен согласиться бояться. Открыть дверь — это и есть согласие. Позволить ему войти — согласие. Он не может забрать твою энергию, пока ты не дашь ему её. Даже страх должен быть добровольным. Неосознанно — но добровольным.

Артём сжал трубку.

— Тогда почему Лиля...

— Она согласилась. Не с ним. С идеей, что она заслуживает страдать. Это то же самое. Системе всё равно, кто ты — жертва или палач. Важно только, чтобы ты отдавал частоту.

Артём закрыл глаза. «Ты заслужил страдать». Сколько раз он говорил это себе? Тысячу? Десять тысяч?

— Ладно, — сказал он. — Я иду к Ветровой. Что мне ей сказать?

— Покажи флешку. Скажи, что от меня. И попроси измерить твою частоту. Но будь готов к тому, что она откажется. Алиса — скептик. Она не верит в реинкарнацию, в систему, в сборщиков. Она верит в приборы. Но приборы уже показывают странные вещи, и это её пугает.

— Она знает про Палея?

— Знает. Он приходил к ней месяц назад. Предлагал сотрудничество. Она отказалась. После этого её лабораторию засекретили. Бумажно — через институтское начальство. Но Палей там руку приложил.

Артём открыл блокнот, записал: «Палей — связи в институте».

— Спасибо, отец Ильи. Я позвоню, если что.

— Не звони. Пиши. Телефоны могут слушать.

Он отключился.

В 9:15 Артём вышел из дома. Дождь к тому времени превратился в морось — противную, липкую, которая не мочит, но пробирает до костей. Он накинул капюшон и пошёл к метро.

Дорога до набережной Академика Павлова заняла сорок минут с пересадкой. Институт мозга человека стоял на Васильевском острове — серое здание из советского кирпича, с узкими окнами и массивной дверью. Охрана на входе была обычная: турникет, будка с охранником, пропускная система.

Артём подошёл к окошку.

— Мне нужна Алиса Ветрова.

Охранник — мужчина лет пятидесяти с усталым лицом — посмотрел на него поверх очков.

— У вас запись?

— Нет. Скажите, что от отца Ильи.

Охранник усмехнулся.

— Тут каждый второй от отца Ильи. Без записи не пушу.

— Позвоните ей. Скажите — Серебряков, частный детектив. Она примет.

Охранник подозрительно посмотрел на Артёма, потом нажал кнопку селектора.

— Алиса Витальевна, тут к вам... — он запнулся, подбирая слово. — Посетитель. Серебряков. Говорит, от отца Ильи.

В динамике повисла тишина. Потом женский голос, низкий, с металлическими нотками:

— Пропустите. В лабораторию не заходите, пусть ждёт в коридоре.

Охранник кивнул, нажал кнопку турникета.

— Третий этаж, направо по коридору, дверь 317. Не стучите. Она сама выйдет.

Артём поднялся на лифте. Запах внутри был казённый — дезинфекция, старая краска, казённое мыло. На третьем этаже он повернул направо. Коридор был длинным, с люминесцентными лампами под потолком, которые гудели на одной ноте.

Дверь 317 — железная, с кодовым замком и табличкой «Лаборатория нейрофизиологии эмоциональных состояний. Посторонним вход воспрещён». Артём встал у стены, прислонился спиной к холодному кафелю.

Ждал он минут десять. За это время никто не прошёл по коридору — ни учёных, ни лаборантов. Суббота, выходной. Только охрана внизу и странная женщина-нейробиолог за закрытой дверью.

Наконец, замок щёлкнул. Дверь открылась на несколько сантиметров.

— Серебряков? — голос был тем же, что в селекторе. Спокойный, без приветствия.

— Он самый.

— Заходите. Быстро.

Артём шагнул внутрь. Дверь за ним захлопнулась.

Лаборатория оказалась не похожа на стерильную операционную, которую он ожидал. Обычная комната: два стола, компьютеры, кресло с электродами, пара шкафов с приборами. На стенах — распечатки графиков, схемы мозга, таблицы частот. Пахло озоном и кофе.

Сама Алиса Ветрова стояла у окна. На ней был белый халат поверх тёмного свитера, волосы собраны в пучок, лицо без макияжа. Вблизи она оказалась моложе, чем на фото — лет

двадцать семь-двадцать восемь, но с серьёзными глазами, которые смотрели так, будто уже всё знают о тебе и ничего хорошего не ждут.

— Флешка, — сказала она без предисловий.

Артём достал флешку, положил на стол.

— Вы в курсе, что за ней пришли? — спросила она, не дотрагиваясь до флешки.

— Палей?

— Он самый. Иннокентий Борисович. Приходил через два дня после того, как Илья попросил меня сделать замеры Лили. Сказал: «Вы вмешиваетесь в работу системы. Прекратите». Я послала его. На следующий день мою лабораторию поставили на спецучёт.

— Зачем вы тогда согласились снова? — спросил Артём.

Алиса посмотрела на него в упор.

— Потому что я увидела график Лили. Частота падала. А потом резко взлетела. И источник сигнала — не мозг. Я замеряла пять раз, каждый раз одно и то же. Кто-то или что-то воздействовало на её миндалевидное тело извне. Это невозможно. Но это было.

— И вы теперь верите в систему?

— Я не верю. Я измеряю. Разница огромная.

Она подошла к столу, взяла флешку, подключила к ноутбуку. Открыла тот же график, что Артём видел дома.

— Видите этот пик? — она ткнула пальцем в экран. — Я провела спектральный анализ. Частота 25 Гц. Но это не чистота — это смесь. 17 Гц страха и 8 Гц чего-то ещё. Я не могу идентифицировать второй компонент.

— Что может быть на 8 Гц? — спросил Артём.

— Дельта-ритм. Глубокий сон. Но не только. 8 Гц — это ещё и частота...

Она запнулась.

— Что?

— Не важно. Гипотеза, которая не подтверждена.

— Скажите.

Алиса вздохнула. Села на край стула, скрестила руки на груди.

— 8 Гц — это частота, на которой работает гиппокамп при формировании ложных воспоминаний. Если подать импульс на этой частоте, можно заставить человека поверить в то, чего не было. Внушить ему чувство вины за несовершенный поступок.

Артём замер.

Ложные воспоминания. Чувство вины. Он вспомнил свои прошлые жизни — каждое предательство, каждую смерть. А что, если...

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил он, — что мои прошлые жизни могут быть... внушены?

Алиса посмотрела на него долгим взглядом.

— Я ничего не хочу сказать. Я просто привожу данные. А вы сами решайте.

Артём отошёл к окну. На улице моросило. Где-то внизу по набережной прошла машина с включёнными фарами — хотя было светло.

Алиса достала из стола прибор — небольшой, похожий на медицинский сканер. С двумя датчиками.

— Хотите измерить свою частоту? — спросила она.

— Зачем?

— Чтобы знать, насколько вы близки к нулю. И чтобы понять, видит ли вас система.

Артём подошёл. Она приложила датчики к его вискам, включила прибор. На экране побежали линии, цифры.

— Закройте глаза. Дышите ровно. Не пытайтесь ничего подавлять. Просто будьте.

Он прикрыл глаза.

В голове сразу всплыли образы. Земля на груди. Холод. Голос Палея за дверью. Страх. Но он не отталкивал эти мысли. Он просто смотрел на них, как отец Илья учил. Наблюдал.

Прибор запищал. Алиса сняла датчики.

— 6,1 Гц, — сказала она. — Это очень низко. Норма для бодрствующего человека — 8—12 Гц. У вас почти дельта-ритм. Вы на границе сна и бодрствования. В сознании, но с частотой как у спящего.

— Это плохо?

— Это необычно. Такие показатели бывают у монахов после десяти лет медитации. Или у людей с повреждённым мозгом. Вы — ни то, ни другое. Просто... вы перестали резонировать с обычными частотами. Вы не боитесь. Не злитесь. Не вините себя активно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.